

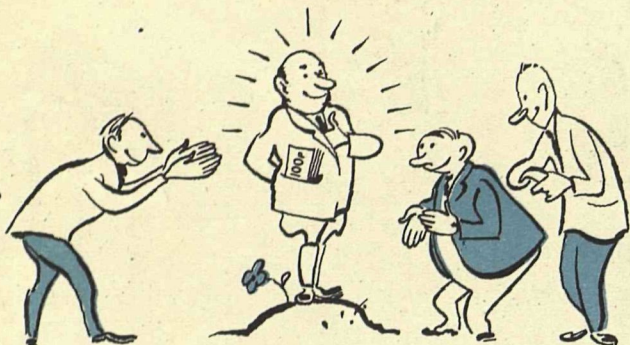
ПРЕСС: — Устарел я, что ли! Ничего из них нового выжать не могу.

К Р О К О Д И Л

НА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ХАРЧАХ

ПРЕМИЯ ЗА УБЫТКИ

Директор совхоза «Пролетарский труд» С. С. Козин за работу в прошлом году получил солидную денежную премию. Союзное министерство совхозов по достоинству оценило прилежание С. С. Козина и щедро вознаградило его. Директор чувствовал себя на седьмом небе. Работники министерства с удовольствием потирали руки. Очень польщены были руководители Красносельского района, Ленинградской области, на землях которого раскинул свои угодья совхоз. Радовались за успехи «Пролетарского труда» и ленинградские организации.

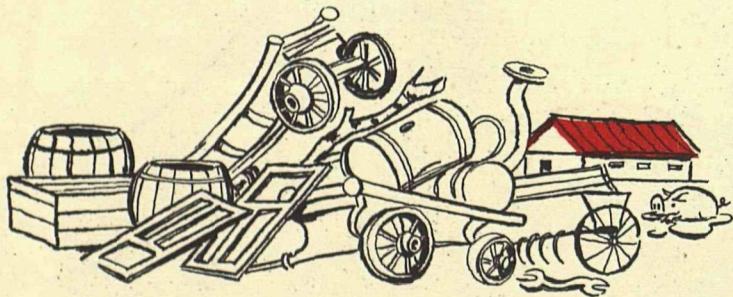

Словом, «по мнению многих (судей решительных и строгих)», это не просто совхоз, а живописная картина.

Желая поближе посмотреть на эту картину, мы отправились в город Красное Село, откуда шустрая совхозная лошадишка помчала нас в «Пролетарский труд».

— Вот отсюда, можно сказать, начинается наше хозяйство, — сказал пожилой совхозный возница, махнув кнутовищем в сторону кривой осины, росшей чуть ли не под окном райкома партии. — Видите под осиною мезиво? Наши минеральные удобрения...

На самой усадьбе открылись новые фрагменты картины. Нам показалось, что здесь не далее вчерашнего вечера прошёл Мамай со своими ордами. Машины, повозки, бочки, рамы — всё это лежало в таком порядке, о котором принято говорить: «Сам чёрт ногу сломит!»

Полагая, что раскисшие от непогоды удобрения в городе и последствия мамаева нашествия на самой усадьбе ещё не могут быть серым пятном на добром имени совхоза, мы попросили директора Степана Сергеевича Козина рассказать о своей работе, принесшей ему некоторую известность и деньги.

— Премию я получил за хорошие удои и приличные показатели в приросте живого веса свиней, — ответил директор, с шумом откладывая косточки на счётах. — А достиг я этого сытным кормлением животных. Я принял все зависящие от меня меры, чтоб животные были сыты. А сытое животное, как вы знаете, чувствует себя спокойней, не волнуется...

Перегоняя взад-вперёд костяшки счётов, С. С. Козин за какие-нибудь пятнадцать минут прочёл очень популярную лекцию, из которой нам стало известно, что кормить животных — это хорошо, а не кормить — плохо.

— Хорошее кормление скота — это всё! — с подъёмом закончил директор. — Без этого не может быть и разговора о рентабельности, о прибыли!

— И какую же прибыль получил совхоз в прошлом году?

— Планировали 209 тысяч рублей, а получили... — Директор достал из карманов несколько записных книжек, перелистал их и

наконец, понизив голос до шёпота, договорил: — В общем, получилось около полумиллиона рублей.

— Прибылей?

— Нет, убытков...

НЕ БЕЗ ДОБРЫХ ДУШ НА СВЕТЕ...

Премирование за убытки — не столь частый случай в нашей работе. Обычно делается наоборот: рачительных хозяйственников действительно поощряют, а с нерадивых взыскивают. Министерство совхозов такой подход к хозяйственникам нашло по меньшей мере устаревшим. Оно ввело свой, особый табель о поощрениях, согласно которому не оставались в обиде и те, кто работал не разгибая спины, и те, кто ходил да посвистывал. Попечением министерства беззаботное посвистывание стало оцениваться одинаково с полезной работой.

Мы поинтересовались у С. С. Козина, не было ли ему совестно, когда он получал незаслуженную премию.

— Я же сказал, что премию мне дали за животноводство, — подчеркнул директор. — С животноводством у меня хорошо дело поставлено.

— Откуда же взялись полумиллионные убытки?

— Полеводство подводит. Прямо хоть караул кричи!.. Ну, сами посудите: в прошлом году планировали получить по семнадцати центнеров зерна с гектара, а собрали едва по пяти центнеров.

— Не жирно.

— А почему, думаете, так получилось? Потому, что прошлогонья весна была какой-то странной. Нехорошая была весна! Нам надо сеять, а почва сырая. Потом всё высохло, нужны были дожди, а их нет! А если и были, то не тогда, когда надо...

Дальнейшая беседа с директором приняла примерно такой характер:

— Значит, собственными кормами совхоз себя не обеспечил?

— Да, очень плохо с собственными кормами.

— Так за что же вы получили премию?

— Я же сказал: за хорошее кормление животных!

— Но у вас же не было кормов.

— Кто сказал, что у нас не было кормов? Не верьте разговорам. С кормами мы не бедствуем. Имеем в достатке.

— Откуда же вы их берёте?

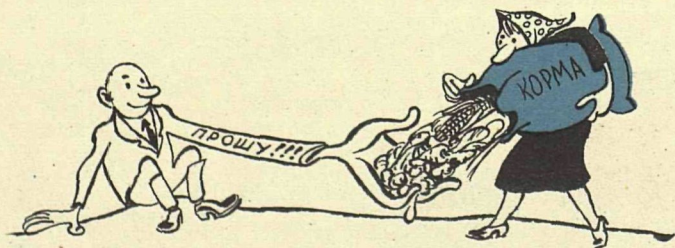
— У министерства просим...

КАРБОНАТЫ С УКЛОНОМ

Попрошайничество похоже на чесотку: почесал одно место, обязательно почешешь и другое. Если попрошайке удалось что-то когда-то выпросить, он непременно сделает это и во второй раз, и в третий, и в десятый, и в сотый. Он перестаёт заботиться, думать, трудиться. Клянчить проще, нежели работать.

Попрошайка в нашей стране даже в былые времена не пользовался сколько-нибудь заметным вниманием. Обычно такому субъекту давали короткий, но вразумительный совет:

— Работать надо!

И только доживающие свой век сердобольные старушки совали попрошайке потёртую полушку и, крестясь, приговаривали:

— Прими, сердешный!

В наши времена и таких старушек становится всё меньше. Теперешние старушки понимают, что если человек с румянцем во всю щёку что-то выпрашивает, — значит, он решил жить на лёгких хлебах.

Но в Министерстве совхозов ещё сохранились «сердобольные старушки». Они готовы подать всякому просящему. Подают не потёртую полушку, извлечённую из чулка или кубышки, а дорогостоящие корма, отсыпанные из государственных закромов. Подают и приговаривают:

— Ах, несчастенький! С кормами бедствуешь? Свои-то, говоришь, плохо уродились? Ну, не печалься! Вот тебе наряд, иди на базу и получай корма!..

Когда мы наемкнули руководителям совхоза «Пролетарский труд», что при наличии двух с половиной тысяч гектаров земли можно с лихвой обеспечить скот собственными кормами, те усиленно замахали руками, точно на них налетел пчелиный рой.

— Ну, где уж там! — скороговоркой отозвался директор. — Да нешто наша земля способна на такие вещи! Это же — горе, а не земля!.. Вы говорите, что раньше совхоз обеспечивал себя собственными кормами? Ах, даже и продавал излишки? Всё могло быть, но теперь земля не та...

Глубоко научную характеристику местных земель дал нам главный агроном совхоза П. И. Осипов:

— Наши земли представляют переходный период от Силурийского плато к Приморской низменности, отсюда пятна холодных почв и плавуньи на песках. Произрастание культур проходит у нас в своеобразных условиях. А если учесть, что наши карбонатные почвы имеют уклон на север и требуют соответствующей заправки с осени...

— А как вы думаете сеять кукурузу? — перебили мы эрудированного агронома.

— Я же ясно сказал, что наши почвы имеют уклон на север. Значит, вегетационный период некоторых культур, в том числе и кукурузы, приобретает в здешних местах свои особенности. Понятно?

Признаться, мы не поняли. Нам не было понятно, собирается ли П. И. Осипов вплотную заняться организацией производства в совхозе кормов вообще и кукурузы в частности или всё ещё думает попрошайничать. Не разъяснил этого вопроса и сидевший тут же ветеринарный врач, он же и секретарь парторганизации совхоза тов. Николенко.

— Вы спрашиваете, занимались ли мы вопросами рентабельности хозяйства, себестоимости центнера продукции. — Силясь что-то вспомнить, тов. Николенко ответил: — Признаться, как-то не дошли до этого... Никто не подсказал...

Кстати, насчёт подсказки. И Осипов и Николенко не новички в совхозном деле. Оба они, что называется, тёртые калачи, когда-то сами были директорами совхозов. И, тем не менее, не рискуют работать без подсказки, без подталкивания, без накатки. У этих людей уже годами выработалась привычка по всякому вопросу ждать указаний, при неуспехе искать причины для оправданий, в случае чего ссылаться на отсутствие помощи. И никто из местных районных или областных организаций вразумительно не скажет им:

— Работать надо!

ПРИЖИГАНИЕ ХОТЯ И СДЕЛАЛИ, НО...

Совхоз «Пролетарский труд» расположен не в чёртовом болоте, окружённом непроходимыми топами. Совсем рядом проходят две дороги — электрифицированная железная и асфальтированное шоссе. В четырёх километрах от центральной усадьбы находятся красносельские районные организации, а в тридцати километрах — областные. И, тем не менее, рабочие совхоза не могут похвалиться, что к ним часто жалуют секретарь райкома, или председатель исполкома, либо кто-то из руководителей треста.

...Директора «Ленсвиноводтреста», куда входит совхоз «Пролетарский труд», тов. Козлова и главного агронома треста тов. Хорева мы застали за подготовкой к очередному совещанию.

— Да, в «Пролетарском труде» дела неважные, — согласился тов. Козлов. — А ведь мы им столько занимались, что вы и представить себе не можете!

— Мы делали прижигания и директору совхоза и главному агроному, — добавил тов. Хорев.

В чём выразилось «прижигание», ни тов. Козлов, ни тов. Хорев не пояснили. Неясным остался и вопрос, что думает делать руководство треста, чтоб поднять рентабельность совхоза. И не только совхоза «Пролетарский труд». Двадцать четыре других совхоза этого треста из тридцати трёх также работают с убытками. Или по примеру прошлых лет тов. Козлов опять собирается пойти в министерство и выпрашивать корма? Есть все основания предполагать, что на этот раз попрошайки получат точный ответ:

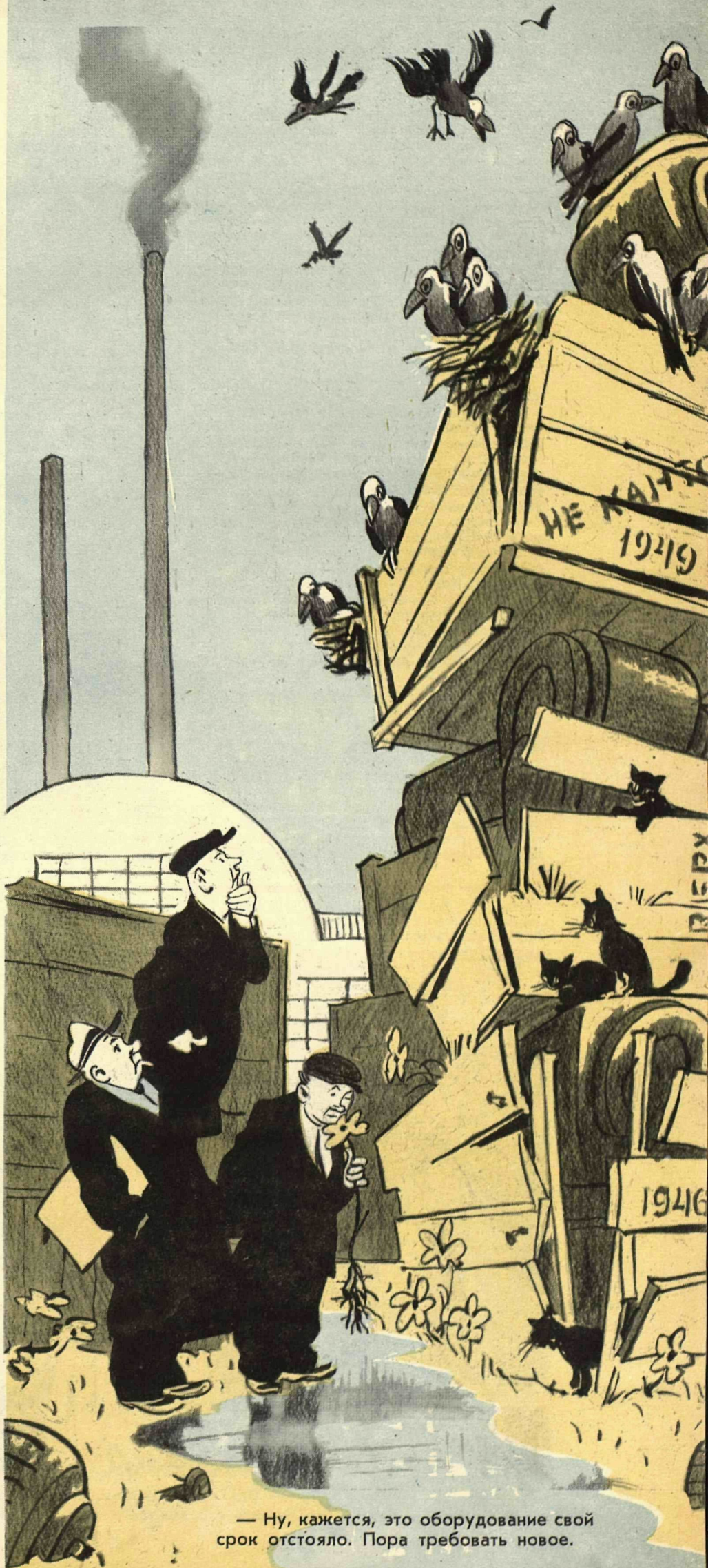
— Работать надо!

И. КОСТЮКОВ,
Н. ЛИПАТОВ

Совхоз «Пролетарский труд»,
Ленинградской области.

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

На многих предприятиях запас оборудования значительно превышает установленную норму.

— Ну, кажется, это оборудование свой срок отстояло. Пора требовать новое.

К большому трёхэтажному зданию в центре Ворошиловграда среди бела дня степенно подошёл сивоусый почётный шахтёр в полной парадной форме. Он по-хозяйски оглядел дом и с удовольствием отметил:

— Ишь, какой дворец отгрохали! Люди говорят: на него десять миллионов ушло. Ну, что ж, если на дело,— не жалко.

Он долго любовался фасадом. Ему хотелось поделиться с кем-нибудь впечатлениями. Но тяжёлая, массивная дверь ни разу не открылась, никто не вошёл и не вышел. Тогда, натужась, шахтёр потянул дверь к себе и переступил порог ворошиловградского Дома техники угольщиков.

Вахтерша, спокойно вязавшая чулок, от неожиданности уронила спицы:

— Вам, гражданин, к кому? Не ошиблись? Сегодня никаких совещаний нету.

Посетитель не спеша осмотрел внутреннее убранство Дома. Ему здесь понравилось: чистота, тишина...

— Мне бы с кем-нибудь из знающих людей посоветоваться.

— Вы тут, папаша, трошки обождите, я до начальства сбегую.

Через несколько минут в вестибюль заглянул удивлённый и встревоженный заместитель директора Дома по научно-технической части Сафонов. Он в тот момент был очень занят отчётом о технической пропаганде среди угольщиков. Но, убедившись, что вахтерша ничего не напутала, что в Дом техники явился неожиданно-негаданно настоящий шахтёр, Сафонов лично вышел к посетителю и спросил, чем может быть ему полезен.

— Тут у вас мой внучек на лекции был, так вот...

— Ах, вы по поводу лекций? Проводите товарища к инженеру Галинкину.

Весть о необычном госте мигом облетела и всполошила все три этажа.

— С чего бы это? Может, его из министерства прислали?

— Очень мы нужны министерству! Скорей всего он из комбината.

— Тоже сказал! Часто видали здесь главного инженера комбината Красозова? То-то! А он председатель совета нашего Дома...

— Бросьте спорить попусту. Подумайте лучше, что ему отвечать...

Галинкин недаром слыл в коллективе самым храбрым. Без технического образования, с довольно смутным представлением об угольной промышленности, он гордо носил в Доме тех-

НЕЖДАНЫЙ ГОСТЬ

ники звание инженера по организации лекционной работы. Вот и сейчас Иосиф Маркович смело пошёл навстречу опасности.

— Вы откуда?— спросил он.— Кто вас сюда направил?

— Я уже вашему начальству говорил: меня внучек направил...

— А внучек не в министерстве? Не в комбинате? Простите, милейший, я бы охотно с вами побеседовал, но занят по горло: срочно органирую лекцию о сне и сновидениях.

— Мне, право, совестно вас отрывать от сонного дела... Может, тут какая-нибудь выставка есть? Я и сам разберусь...

— Ах, выставка?! Так бы сразу и сказали. Проводите товарища к старшему инженеру Лермонтову. Это по его линии.

И, предшествуемый вахтершей, гость отправился дальше по длинным-длинным коридорам с несчётным множеством дверей.

— Вот это домина!— восхищался старый шахтёр.— Тут у вас что? Всё кружки и технические кабинеты? Интересно, должно быть...

— Как же, интересно! Сидят в кабинетах за столами с девяти до шести. Чтобы не скучно было, иногда и в кружок соберутся, поболтают — и по домам. Вот тебе и вся техника!

Старшего инженера Лермонтова — руководителя постоянной выставки горной техники — на месте не оказалось. Предупреждённый по телефону о неожиданном госте, он спешно разыскал старшего инженера по шахтному строительству Байбузу и взмолился:

— Выручайте, Ираида Константиновна! Явился, как снег на голову, шахтёр, интересуется выставкой... А что я ему покажу? Докладную записку? Проекты выставки, которой нет? Выручите! Поговорите с ним! Вы же сейчас ничем не заняты...

— А кто, по-вашему, наблюдает за перепланировкой площади у Дома техники?

— Ну и наблюдайте себе на здоровье, только поговорите с ним, пожалуйста. Придёт когда-нибудь другой шахтёр, пусть даже по вашей части — по шахтному строительству, — я вас выручу...

Женское сердце мягкое, уступчивое. Ираида Константиновна приняла посетителя:

— Вам, собственно, какая выставка нужна? — Где можно с разным инструментом познакомиться.

— Насчёт инструмента? Лучшего специалиста, чем Ефим Львович Вольтынский, не найти. Вас проводить?

Старший инженер по автоматизации и механизации Вольтынский не скрывал досады: его оторвали от работы над диссертацией.

— Слушаю вас!— сказал он и посмотрел на шахтёра отсутствующим взглядом.

— Извините, будьте ласковы, все вы здесь, вижу, очень заняты, а я, понимаете, пенсионер и на досуге о шахтёрском инструменте думаю. Хочу, чтобы он работал безотказно и, так сказать, заиграл в руках шахтёра...

— Позвольте, позвольте!— перебил гостя старший инженер Вольтынский, целиком поглощённый в это время думами о будущей диссертации.— Инструмент, говорите? Чтоб играл? Так у нас недавно лекция была. Про всякие там домры, балалайки... Вам необходимо повидаться с инженером Галинкиным. Вон туда, по коридору направо!

* * *

«Не исключено, что директор Дома техники тов. Ляпин или кто-нибудь из руководящих ворошиловградских товарищей возмутится:

— Безобразие! Расследовать! Наказать!.. Конечно, если всё это правда.

Правда ли? Судите сами.

Треть угольных комбайнов, врубовых и породопогрузочных машин на шахтах комбината «Ворошиловградуголь» стоит без дела. А сколько машин ломается из-за неумелого обращения! Но где же в Доме техники выставки, чертежи, плакаты, обучающие шахтёров технической грамоте?

Далеко разнеслась слава о врубмашинисте Адраховском. Он даёт угля в десять раз больше, чем многие другие. Но помог ли Дом техники распространить его опыт на все шахты?

Шахтёры в Доме техники бывают очень редко: их приглашают туда только на совещания в областном масштабе. Живую, увлекательную техническую пропаганду там часто подменяют лекциями о снах и балалайках.

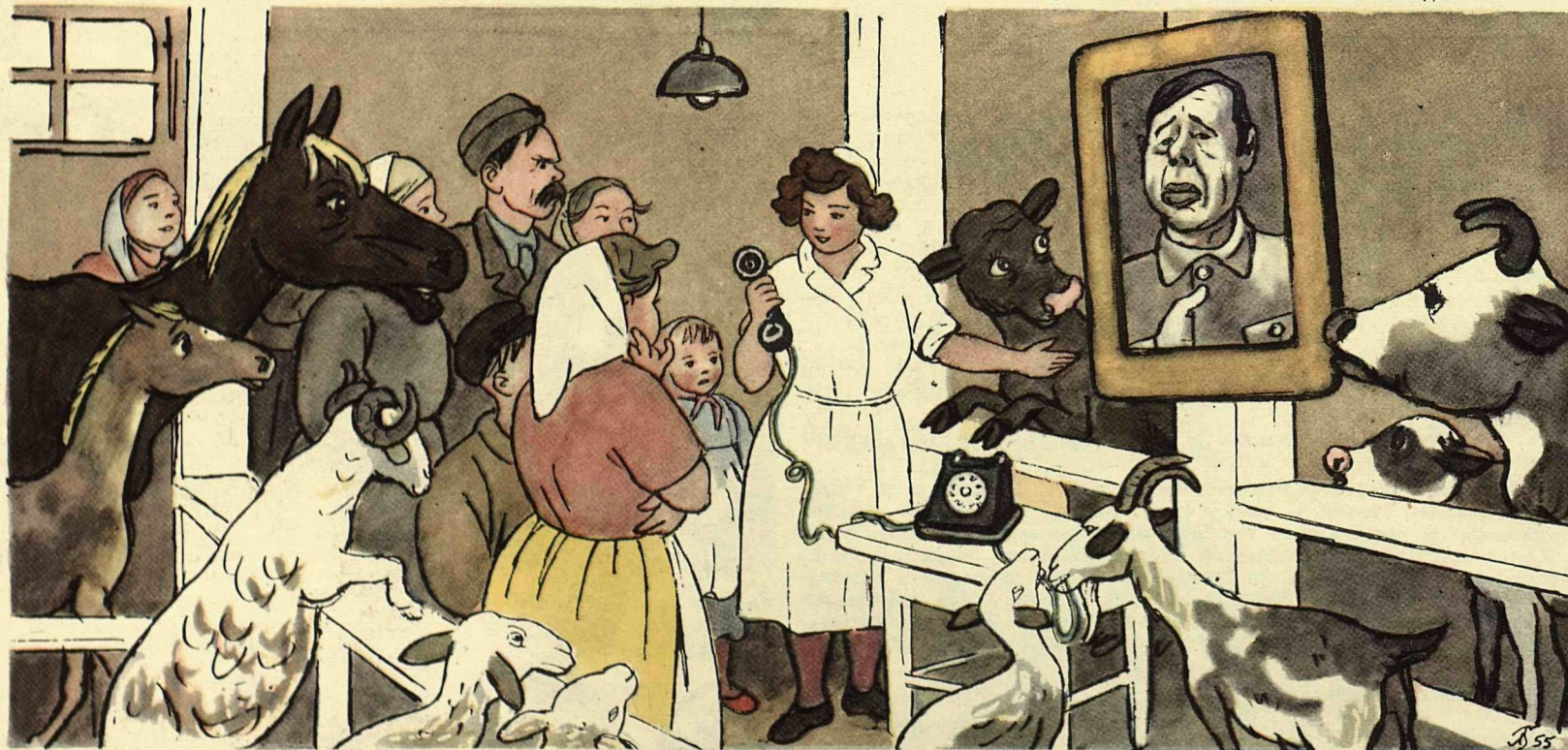
Скучно, неинтересно шахтёру в ворошиловградском Доме техники!

А надо бы, чтобы он чувствовал себя в этом Доме, как дома!

Е. ВЕСЕНИН,
С. ШЕВЕЛЕВ

г. Ворошиловград.

Рисунок Л. ГЕНЧА.

— Вот познакомьтесь: это наш главный зоотехник, а тут можете послушать его голос...

Главный зоотехник Назаровской МТС Красноярского края П. Кухорь руководит только по телефону. Работники забыли, как он выглядит.

ЗА ЗАКРЫТОЙ ДВЕРЬЮ

Нина Васильевна Парахина — человек без личной жизни. У этой женщины нет увлечений, привязанностей. Она не ходит в театры, не бывает на концертах. Не до того. Некогда. Каждый час, каждую свободную минуту Нина Васильевна посвящает ближним.

Чуть только забрезжит утро, а она уже на ногах. Вот и сегодня: не успели соседи выйти за порог дома — кто на работу, кто в магазин за продуктами, — а Нина Васильевна была уже в хлопотах. Сначала она прошлась веником по квартире, собрала мусор в кучку и аккуратно выслала его в молоко к Полине Альбертовне Кузнецовой. Затем Нина Васильевна выставила в тёмную прихожую доску с гвоздями. Это на всякий случай. Может быть, Василий Николаевич Кузнецов, возвратясь с работы, не заметит доски и порвёт пальто.

Проявив заботу о верхнем платье, она не забыла и о нижнем. Кстати, Кузнецовы только-только закончили стирку, и чистое бельё ещё висело в ванной. Нина Васильевна быстро вооружилась ножницами и обрезала верёвку. Мокрые рубашки шлёпнулись на пол.

«Ой, нехорошо! — пожурела себя Нина Васильевна и добавила: — Но теперь уж всё равно: раз бельё Кузнецовым перестирывать, жалеть его нечего».

Сказала она так и трижды прошлась по этому белью в грязных ботинках.

Выйдя из ванной, Нина Васильевна присела на стул в кухне. Но отдохнуть этой женщине так и не удалось. С той стороны входной двери послышалась какая-то возня. Это Кузнецов-младший явился из школы. Младший был мал ростом. Он долго сопел, прежде чем дотянулся ключом до английского замка. Нина Васильевна подскочила к двери, но вместо того, чтобы открыть её, она спустила в замке защёлку. Мальчик постучал. В ответ молчание. Стук раздался во второй раз, в третий. В ответ опять молчание. Мальчик начал хныкать. Но всё это нисколько не трогало Нину Васильевну. Она подогрела себе кофе, поджарила гренки и, вкусно позавтракав, прилегла на тахту.

Мы попытались описать только несколько часов из жизни Нины Васильевны Парахиной, и нам стало не по себе. А как же должны чувствовать себя соседи Нины Васильевны, которым приходится жить с ней под одной крышей не часы, а годы?

Н. В. Парахина переехала в дом № 10 по Большому Гнездиновскому переулку семнадцать лет назад. За это время в доме сменилось четыре управдома, пять раз переизбирались председатели товарищеского суда, и никто из них не мог угомонить Нину Васильевну. Больше того, о её нетерпимом поведении были хорошо осведомлены в отделе милиции, райжилотделе, райисполкоме.

— Мы пять раз ставили вопрос в народном суде о привлечении Парахиной к ответу, — говорят работники прокуратуры.

И ведь что примечательно: работники суда были возмущены поведением Парахиной не меньше работников прокуратуры. В одном из решений они назвали даже это поведение хулиганским и бандитским... И, тем не менее, суд ни разу не привлёк хулиганку к ответу.

— Так ведь хулиганит Парахина в своей квартире, без свидетелей, — объясняют нам.

За последние семнадцать лет делом Парахиной занимались десятки комиссий. И ни одна не взяла под защиту эту жен-

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

щину. На суде по делу Парахиной могло бы выступить не меньше сотни свидетелей и пострадавших, и среди них были бы: дворники, уборщицы, водопроводчики, работники домоуправления, Мосгаза, Мосэнерго, санинспекции и многие, многие другие.

Миролюбие суда можно было бы как-то понять, если бы перед ним был больной человек. Но Нина Васильевна никакими болезнями не страдает. Может быть, она творит безобразия из-за своей темноты и невежества? Да ничего подобного! Парахина училась в вузе и считает себя женщиной культурной. В каждую фразу она к месту и не к месту обязательно вставляет иностранное слово. Но в том-то и беда: кроме этих слов, ничего за душой у Парахиной нет. Нине Васильевне сорок восемь лет, а она не занималась и не желает заниматься общественно-полезным трудом.

— Простите, не было надобности, — говорит она. — Раньше мне помогал мой муж Алексис, а теперь помогает дочь Ниала.

Дочь Парахиной Ниала Алексеевна Макарова преподаёт английский язык в МГУ.

На людях это милая, тихая женщина. Но это только на людях. А в действительности дочь ничем не отличается от матери. К склокам и дракам Ниала Алексеевна относится, как к своеобразному виду спорта. Говорят, она ввела даже пятибальную систему для оценки всех скандальных баталий. В тот день, когда в квартире не происходит никаких эксцессов, дочь ставит матери двойку. Если мать доводит соседку до слёз, отметка повышается до тройки. Если соседка плачет не только утром, но и вечером, мать получает четвёрку. А в тот день, когда от истерики доведена не только соседка, но и сосед, мать с дочерью покупают торт и устраивают себе праздничный чай.

Соседи Парахиной и Макаровой ведут буквально мученическую жизнь. Дом № 10 по Большому Гнездиновскому переулку имеет все удобства. А Кузнецовы почти ничем не пользуются. В кухне газовая плита, а им приходится готовить обед в своей комнате на керосинке. В квартире ванная, а Кузнецовы умываются в тазике. Нина Васильевна выжила из квартиры уже четыре семьи. Кузнецовы приехали сюда пятыми. Попробовали и они обменяться комнатами, но у квартиры № 603 плохая слава. Сюда никто не хочет переезжать.

И вот В. Н. Кузнецов пришёл в редакцию:

— Посоветуйте, что делать?

Мы позвонили в городскую прокуратуру:

— Вы знаете Парахину?

— Как же! Это известная скандалистка.

— Почему же вы её не утихомирите?

— Пробовали, и не раз, да у квартирных хулиганов сильные покровители...

— А кто они?

— Работники правосудия.

— Не может быть!

В этом легко удостовериться. Возьмите и подсчитайте, сколько каждый год поступает в народные суды исков о выселении за невозможностью совместного проживания. Сотни! А сколько скандалистов выселено? Да почти ни одного. А в тех редких случаях, когда народный суд и решит выселить какого-нибудь хулигана, городской суд обязательно отменит это решение. И всё по тем же соображениям: хулиганство произошло не в общественном месте, а в квартире, за закрытой дверью. Значит, наказание может быть ограничено общественным порицанием.

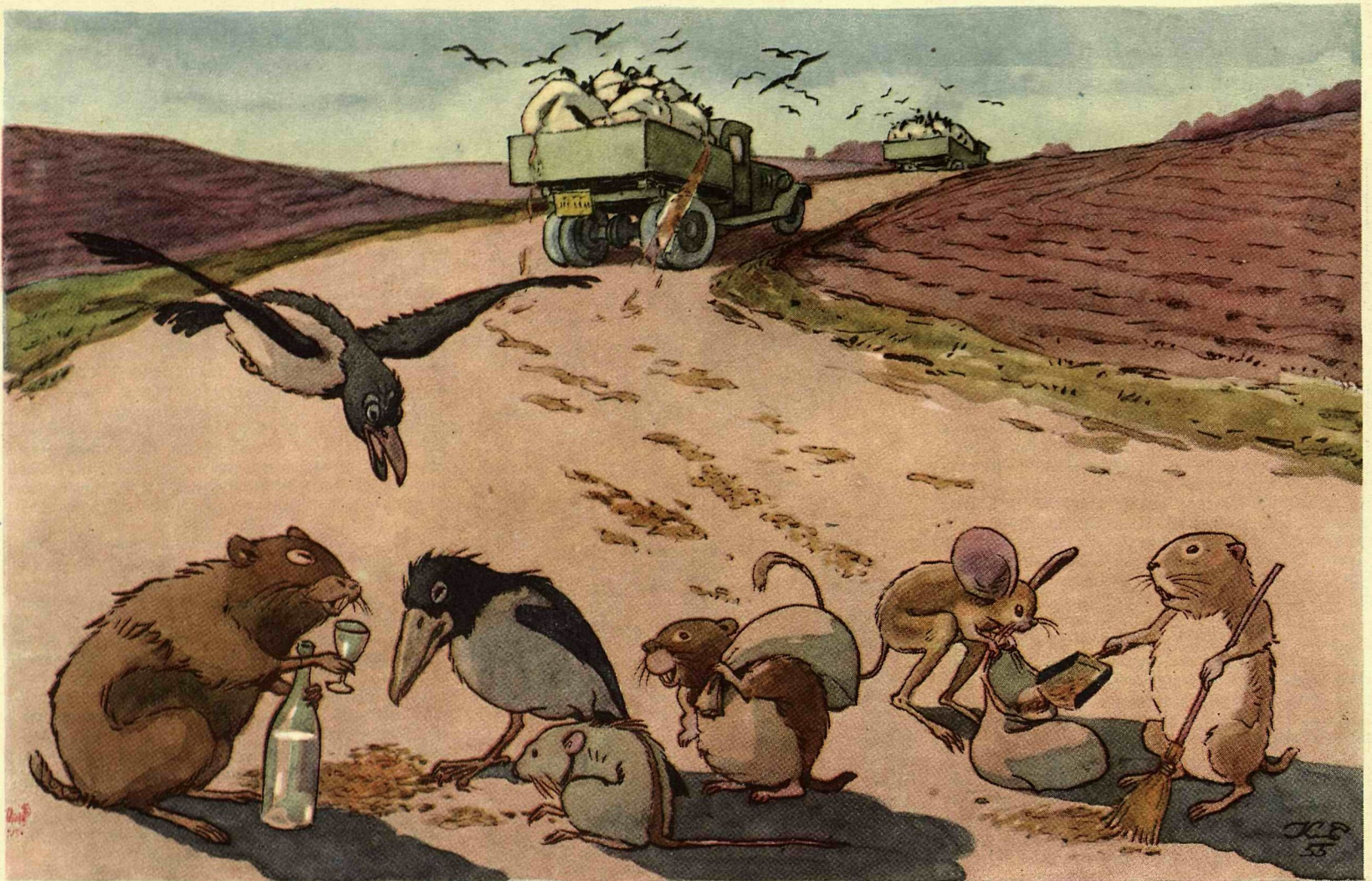
Странное, однако, рассуждение. Если бы Парахина ударила кого-нибудь по лицу грязной половой тряпкой на улице, её тут же приговорили бы по меньшей мере к шести месяцам тюремного заключения. А дома дерись, оказывается, сколько угодно. А Парахина не только дерётся. Этой женщине ничего не стоит плеснуть в человека кипятком. Она может вставить в туалетное мыло лезвие от бритвы, — авось, сосед не заметит, порежется. Уходя из дому, она нарочно откроет кран от газа, — может быть, сосед задохнётся.

На днях городская прокуратура сделала ещё одну попытку угомонить Парахину и вновь направила её дело в суд. Причём направила без надежды на успех.

— Сами понимаете, — смущённо сказал прокурор. — За закрытой дверью...

Правильно, за закрытой... Так давайте же распахнём настежь эту дверь, чтобы раз и навсегда проветрить воздух, отравленный квартирными хулиганами и скандалистами.

Сем. НАРИНЬЯНИ

СУСЛИКИ: — Выпьем за здоровье местного предколхоза... Благо, есть чем закусить!

ТО, ЧЕГО НЕ БЫЛО

Для обследователей шахта Северная самая удобная. Что от треста «Кемеровуголь», что от комбината «Кузбассуголь» — до неё две автобусные остановки. Ну просто грешно таким удобством не пользоваться!

То ли по этой, то ли по какой другой, более глубокой причине, но маршруты трест — шахта и комбинат — шахта считаются у кондукторов кемеровского автобуса самыми оживлёнными. Чуть не каждые три дня на Северной появляется новая комиссия. И у каждой из них, естественно, свои задачи. Так вот, представьте себе, что некая комиссия решила основательно познакомиться с людьми, освоившими новые специальности, и, вооружившись списками личного состава, начала приглашать их для душевной беседы.

Первой отозвалась Е. Н. Авдонина.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте. Ваша специальность?

— Машинист.

— На чём работаете?

— Раз машинист, значит, на машинке. Ну, в общем на этом... как её... на дробилке.

— Где же именно?

— На складочном участке.

— И много у вас работы?

— А вы как думали! Заложить в эту самую... в дробилку с двойной кареткой шесть экземпляров под копирку — и дробить деньдешковской. Да ещё требуют, чтобы дробила грамотно...

Вслед за Авдонинной появился пред лицом комиссии В. И. Кошелев. Отрекомендовался точно так, как в списке указано: рабочий лесопропитки.

— Ну и как? — спросили его. — С работой справляетесь? Не трудно?

— Мне трудно? Да я её с закрытыми глазами поведу. Это нам раз плюнуть: сел за баранку, газанул — и повёл...

— Что повёл?

— Известное дело, что. Эту самую... ну, будто не знаетел.. Вспомнил: лесопропитку!..

Члены комиссии начали уже помаленьку привыкать к сюрпризам. И всё же следующий собеседник их удивил. Фамилия, имя и отчество те же, что в списке: Будрин Михаил Павлович. Профессия тоже совпадает: трубочист. Явился, говорит, прямо с рабочего места, но руки у него почему-то не в саже, а в фиолетовых чернилах.

— Какие же вы сейчас трубы прочищали?

— Известно какие: исходящие.

Четвёртый собеседник комиссии, П. А. Гравдун, оказался ещё более интересным. На вопрос, в чём именно заключаются его обязанности десятника подземной вентиляции, он ответил с явной обидой в голосе:

— А вы будто не знаете? Возникает у начальника шахты какой-нибудь вопрос, вот мы его и вентилируем. Со всех сторон... А уж потом — в докладную...

...Теперь представьте себе, что после всех этих бесед члены комиссии поделятся своими впечатлениями с руководителями шахты.

— Всё может быть, — глубокомысленно заметит начальник шахты С. И. Носков.

— За всем не уследишь, — вздохнёт главный бухгалтер Н. А. Сапко. — Что? И к нам в бухгалтерию хотите заглянуть? Стоит ли? У нас, если не ошибаюсь, только один счетовод числится... ну, в общем, не счетоводом...

Всё это не трудно себе представить. Что шахта Северная самая ближняя и к тресту «Кемеровуголь» и к комбинату «Кузбассуголь», — совершенно точно. Что Северную посещают до восьми комиссий в месяц, — неоспоримый факт. Но чтобы хоть одна комиссия по-

интересовалась, в какой мере доклады о сокращении управленческого аппарата шахты соответствуют действительному положению вещей, — этого, к сожалению, никогда не было.

Д. ЗОЛотов,
С. ПАВЛОВ

КАК НИ СТРАННО, НО...

...непостоянством отличаются не только героини некоторых опер, но подчас и сами музыкальные произведения.

Так, опера «Кармен» окончательно порвала с Жоржем Бизе и связала своё имя с именем Джузеппе Верди.

Правда, предприняла она этот предосудительный шаг не по своей инициативе. Толкнули её на чёрную измену дирекция Азербайджанского государственного театра оперы и балета вкупе с редакцией газеты «Бакинский рабочий». Они так и объявили:

26 апреля **КАРМЕН** Д. Верди
Опера в 4 действиях

Своенравная цыганка в опере, как известно, поплатилась за своё вероломство. Бакинские зрители и читатели республиканской газеты потянут к расплате, вероятно, «тореадоров» из театра и редакции. И стоит!

...оказывается, даже эпидемиологи не всегда бывают защищены от эпидемий.

Во всяком случае, на Черкасской санэпидемстанции в продолжение трёх месяцев свирепствовала эпидемия... ревизий. За это время там побывало 13 ревизоров, в основном занимавшихся подсчётом числа работников.

Как установлено, очаг инфекции находится в облздравотделе.

Конференция в Бандунге повергла в уныние американских империалистов, мечтающих заставить «азиатов» воевать против азиатов».

— Американцы хотят, чтобы мы разговаривали между собой языком пушек...
— А мы предпочитаем язык дружбы.

ПРОВОДЯ ПАРАЛЛЕЛЬ...

Пытаясь как-то «оправдать» наглую оккупацию китайского острова Тайвань, пропагандисты агрессивной политики в США последнее время распространяются насчёт того, что Китай не имеет, мол, «исторического права» на этот остров. Американский журналист Алан Макс опубликовал в газете «Дейли уоркер» написанную по этому поводу в форме телеграфного сообщения заметку, которая публикуется ниже.

Как известно, в 1626 году нидерландцы создали на Атлантическом побережье Северной Америки (на острове Манхэттен) свою факторию Новый Амстердам. Позднее все нидерландские поселения в долине реки Гудзон были захвачены англичанами, а город Новый Амстердам и колония Новая Голландия были переименованы в Нью-Йорк.

Алан Макс напоминает пропагандистам американской агрессии об этих исторических фактах.

ГААГА, НИДЕРЛАНДЫ. Сегодня на пресс-конференции представитель правительства открыто заявил, что нельзя допустить, чтобы Новый Амстердам (остров Манхэттен) попал в руки американцев.

Этот представитель сообщил, что 7-й флот военно-морских сил Голландского королевства послан патрулировать реки Гудзон, Гарлем, Спуйтен Дуивил и другие воды, омывающие Новый Амстердам.

Как полагают, голландское правительство приняло это решение в связи с сообщением, опубликованным в одном из последних номеров «Нью-Йорк таймс», в котором указывалось, что китайцы не имеют никаких прав на Формозу, поскольку голландцы пребывали там с 1624 до 1661 года (тот факт, что затем их вышвырнули оттуда силы китайской династии Минг, не представляется существенным).

Официальный представитель заявил: «Если наша оккупация Формозы означает, что этот остров не принадлежит Китаю, то тем более наша оккупация Нового Амстердама (Нью-Йорка) означает, что американцы не имеют на него никаких прав».

Он, однако, поспешил объяснить, что притязания Голландии лишь во вторую очередь основываются на истории и на расписке в уплате индейцам 24 долларов за покупку острова Манхэттен, которая до сих пор сохранилась. В первую очередь эти притязания основываются на необходимости обеспечения военной безопасности Голландии.

Он заявил, что «Новый Амстердам (Нью-Йорк) является плацдармом агрессии на Атлантическом океане».

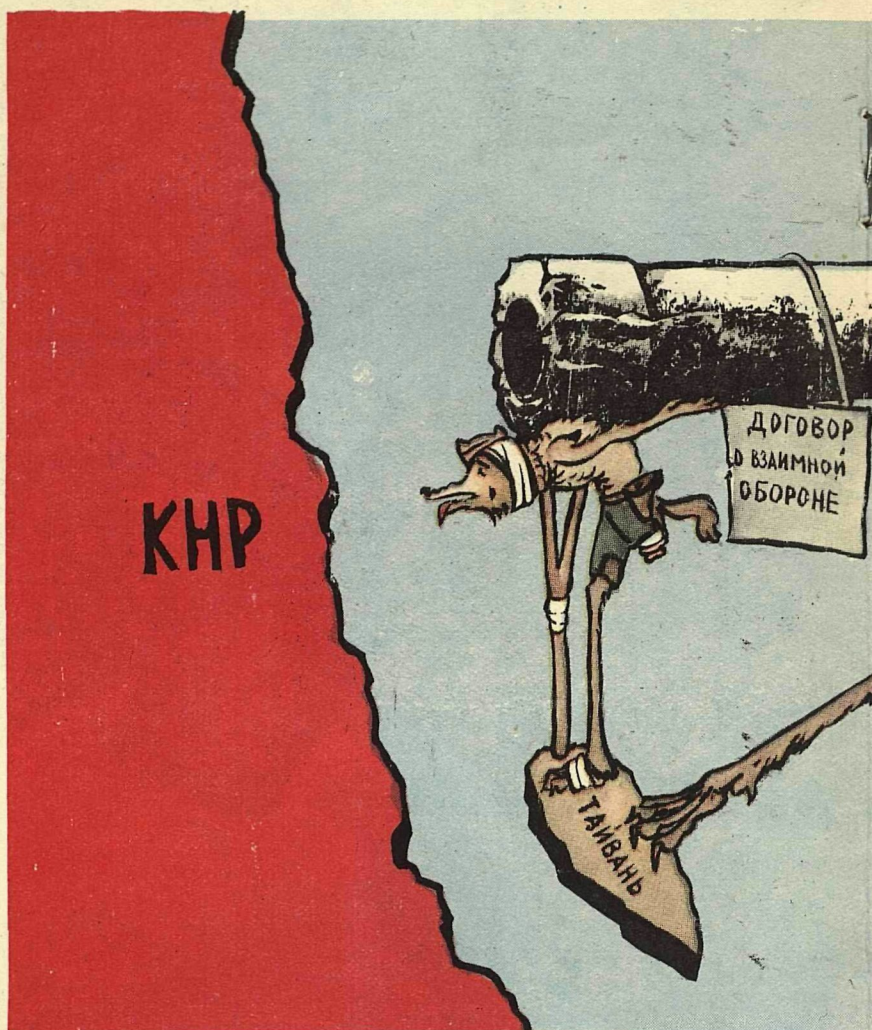
В самом голландском правительстве не существует единого мнения относительно процедуры, которой оно будет придерживаться в дальнейшем. Хотя все согласны с тем, что нельзя допустить, чтобы остров Манхэттен попал в американские руки, существует различие во взглядах относительно прибрежных островов на реке Ист-ривер (Блэкуэлл, Уорд и Рэндолл). Некоторые считают, что американцы имеют на них определённое право, в то время как другие склонны думать, что эти острова могут быть использованы как зацепка для агрессии Соединённых Штатов против Нового Амстердама (Нью-Йорка).

Политика голландского правительства относительно Нового Амстердама оспаривается другими державами. Например, из Лондона сообщают, что влиятельные круги заявили: «Если Каирская декларация 1943 года устарела, то тем более устарел и Парижский договор 1783 года, а поэтому Нью-Йорк наш»¹.

Перевод с английского.

¹ Каирская декларация подтвердила, что Тайвань принадлежит Китаю. Согласно Парижскому договору 1783 года, Англия признала независимость Соединённых Штатов Америки.

Рисунок китайского художника ХЭ ЧЭН-СЮ, сделанный специально для Крокодила.

Американская точка

Р Е В А Н Ш

В апреле прошлого года на страницах Крокодила была помещена заметка под названием «Снова вместе». В ней говорилось о назначении генерала Джеральда Темплера на пост командующего английской оккупационной армией в Западной Германии. Назначение это, как отмечали мы тогда, вызвало недовольство в Бонне, поскольку вскоре после окончания второй мировой войны сэр Джеральд Темплер, будучи в то время губернатором английской оккупационной зоны в Германии, сместил Конрада Аденауэра с поста обер-бургомистра Кёльна «за неспособность».

«Способен ли теперь Темплер по заслугам оценить реваншистские способности федерального канцлера?» — так кончалась наша заметка. Ныне на этот вопрос можно дать вполне определённый ответ. Англий-

ПРЕДВЫБОРНАЯ КАМПАНИЯ

После прекращения военных действий во Вьетнаме союзники, воевавшие против войск Хо Ши Мина, обрели, наконец, возможность в спокойной обстановке урегулировать свои внутренние разногласия. Потому-то с некоторых пор в Сайгоне, нынешней столице Южного Вьетнама, слышна стрельба, и жителям, выходящим на улицу, рекомендуется быть постоянно начеку. Но, как уже сказано, это лишь дружеская дискуссия между братьями по оружию, которые ещё не так давно безуспешно сражались в едином строю «за счастье Вьетнама».

Братья по оружию располагаются в порядке старшинства так: американцы, французы, глава государства Бао Дай (в настоящее время отдыхает на Французской Ривьере), премьер-министр Нго Динь Дьем (в настоящее время он на стороне американцев), секта «Хоа-Хао», секта «Биль-Ксюен», секта «Као-Дай»; дальше идут разные другие благочестивые сообщества, которым тоже нужны деньги.

Между прочим, секта «Као-Дай» недавно перешла со всей своей частной армией на сторону американцев, потому что они платят больше, чем французы. Не исключена, однако, возможность, что эта секта уже снова переметнулась к французам, если те решили не жадничать. Вообще же во всём Южном Вьетнаме едва ли найдётся хоть один человек, который мог бы точно сказать вам, какая секта в данный момент на чьей стороне.

Однако, как это ни странно, сами американцы и французы в Южном Вьетнаме пока ещё не стреляют друг в друга. Да и в самом деле, подумать только, какое удручающее впечатление произвело бы это в Париже и в Вашингтоне! Ведь те и другие состоят в НАТО и в СЕАТО, те и другие поклялись оказывать взаимную помощь. И не удивительно, что право на взаимное истребление они предоставили своим вьетнамским «союзникам».

А между тем эти «союзники», судя по всему, ещё не выяснили, кто, собственно, имеет сейчас больший вес в Южном Вьетнаме: американцы или французы? Уточнить же это им необходимо как можно скорее: ведь в будущем году на всей территории Вьетнама должны быть проведены свободные выборы. Посему марионеткам, желающим подработать, надо поторапливаться.

* * *

Недавно Хо Ши Мина спросили, когда предполагается начать предвыборную кампанию за объединение Вьетнама. Улыбнувшись, президент Демократической Республики Вьетнам ответил: «Эта кампания уже идёт полным ходом. Американцы и французы настолько любезны, что ведут её за нас».

Из сатирического журнала ГДР «Ойленшпигель».

а зрения на Китай

ское военное министерство и генерал Темплер сами оказались жертвами этих способностей Аденауэра.

По сообщению лондонской газеты «Санди экспресс», боннский канцлер не выразил «большого восторга» по поводу нового назначения Темплера. Этого оказалось достаточно, чтобы генерал не отправился к берегам Рейна.

Так Конрад Аденауэр начинает брать реванш. Пока что это личные счёты, но завтра речь может пойти о куда более серьёзных вещах...

Западная пропаганда любит представлять боннскую республику в виде эдакого кроткого ягнёночка, ни шагу не смеющего ступить без дудочки северо-атлантических пастушков. Но вот рождается новый вермахт, и у ягнёночка начинают прорезываться зубки. И уже сами пастушки стоят перед этим ягнёночком в робкой позе и лепечут:

— Виноваты-с, ошиблись, простите-с...

Г. ЮРЬЕВ

С лёгкой руки Маккарти

Что надо сделать, чтобы заслужить право быть в списке великих американцев? Линкольн боролся за освобождение негров, Эдисон изобрёл множество полезных предметов, Драйзер написал «Американскую трагедию»...

Но, оказывается, в этот почётный список можно попасть и не за такие заслуги. В доказательство заокеанская печать недавно воспроизвела обложку книги сенатора Маккарти с дарственным автографом: «Харвею Матусоу — великому американцу, с глубоким уважением Джо Маккарти».

За что же Маккарти произвёл Матусоу в ранг великих? Да исключительно за то, что он был штатным шпииком и лжесвидетелем американского гестапо — ФБР!

САТИРИЧЕСКИЕ РУЧКИ

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.

Ю.Ф. 55

Мистер Бантинг И ПОЛИТИКА СИЛЫ

В 1951 году Крокодил напечатал пародийное продолжение романа английского писателя Роберта Гринвуда «Мистер Бантинг в дни мира и в дни войны». Крокодил попытался показать симпатичного героя романа Гринвуда — Джорджа Бантинга — в дни «холодной войны».

Сегодня мы печатаем новое продолжение романа. Мистер Бантинг действует в наши дни.

Как и в первом продолжении романа о Бантинге, здесь каждая строка основана на подлинных фактах, взятых из жизни современной Англии.

В жизни семейства Бантингов произошло событие, которое, нарушив выработанный за десятилетия традиционный бытовой уклад, воспринялось обитателями Килворт-гардена как нечто почти равновесное концу мира. Почтенный Джордж Бантинг навсегда покинул свой уютный коттедж «Золотой дождь».

В сущности, старожилы Килворт-гардена удивлялись напрасно. Просто мистер Бантинг очень постарел, и из уважения к его сединам, следуя существующей в нынешней Англии традиции, фирма Брокли поспешила уволить своего ветерана. Прощаясь, управляющий магазином любезно дал понять, что с удовольствием предоставляет старине Бантингу заслуженный неоплачиваемый отпуск. Дела универмага шли из рук вон плохо, душила конкуренция Западной Германии, и хозяев гораздо больше волновало уменьшение прибылей, чем судьба ветерана фирмы.

На вырученные от продажи коттеджа деньги Джордж Бантинг решил купить домик в деревне и посвятить остаток жизни мирным занятиям: огородничеству и разведению цветов для продажи.

Когда Джордж Бантинг с некоторой торжественностью объявил жене о своём решении, миссис Бантинг ответила ему одним из тех своих красноречивых монологов о росте дороговизны, с которыми она привыкла выступать, как казалась главе семейства, и кстати и некстати. Миссис Бантинг в не совсем парламентских выражениях посоветовала на злоключения своего супруга и не преминула напомнить, что цены на продукты возросли в сравнении с 1940 годом на сорок процентов.

— Ты не сердись, дорогая, за мои разговоры? — закончила своё выступление жена.

— Ничего, дорогая, — стараясь придать своему голосу как можно более утешительной ласковости, ответил жене Бантинг, — старая добрая английская поговорка говорит: «Язык всегда вертится около большого зуба».

Новый год семейство встречало уже в деревне. Джордж Бантинг предвкушал уютный вечер у камелька. Было так приятно в тихой сельской глуши отдохнуть от тревожных мыслей о войне. У старика были консервативные взгляды на жизнь, и он очень любил прошлое. Настоящее казалось ему не всегда приличным и подчас шокировало его. Однако несколько лет из своего прошлого мистер Бантинг считал прямо отвратительными: то были военные годы. А теперь при всём его благодушии Джордж Бантинг не мог не заметить, что достойные всяческих похвал джентльмены, правящие Англией, твёрдо обещают своему лояльнейшему и терпеливейшему подданному, собственно, только одно — новую войну...

Но вот сегодня можно вдоволь насладиться миром и тишиной, забыв о политике! Совсем повеселевший Бантинг включил радиоприёмник.

— Немножко жизнерадостной музыки нам, надеюсь, не помешает, друзья мои, — сказал он.

Вместо музыки послышался чей-то булькающий, хриплый голос:

— Внимание, внимание! Слушайте передачу корпорации «Мир и благоденствие».

— Ну что ж, — улынулся Джордж Бан-

тинг. — Мир и благоденствие — это как раз то, что нам нужно, не правда ли? «Мир и благоденствие» — это звучит не хуже музыки.

— Внимание! — продолжал голос. — Корпорация «Мир и благоденствие» хочет порадовать вас, господа, необычайной передачей. Слушайте речь немецкого священника отца Гуго Лассаля, который был в городе Хиросима в тот момент, когда американцы сбросили атомную бомбу. Речь записана на плёнку в Японии...

Добродушное, сияющее лицо Джорджа Бантинга моментально омрачилось, и он нервным жестом выключил приёмник.

Джули, у которой был столь же злой язык, сколь доброе сердце, всеми силами пыталась развлечь отца:

— Папа, ты знаешь, на днях в соседнем городке будет чудесное карнавальное шествие. Это добрая английская традиция. А ведь традиции всегда были тебе по душе. Будет очень, очень весело! Приглашён даже духовой оркестр.

Через несколько дней, надев шевиотовую тройку, мистер Бантинг, торжественный и весьма представительный благодаря своей шарообразной комплекции, выкатился на оживлённую улицу.

Толпа горожан в праздничных костюмах шла, распевая весёлые песни. Многие старики были одеты в наряды, которые носили их давние предки, и Джули казалось, будто она видит живую иллюстрацию к поэмам Чосера.

Весёлое праздничное шествие достигло центральной улицы города, как вдруг раздался пронзительный вой сирены. Властный голос по радио возвещал:

— Внимание! Внимание! Объявляется противоатомная тревога!

Смущённый Джордж Бантинг хотел было обстоятельно и не торопясь расспросить кого-нибудь о том, какой линии поведения следует придерживаться в данной ситуации, но, оглянувшись, он увидел, что шагает по улице вдвоём с Джули — остальные участники карнавала разбежались кто куда.

На углу улицы стоял военный и кричал:

— Господа, предлагаю вам быстрее укрыться от угрозы атомного нападения!

— Быстрее — я согласен. Но вот вопрос — куда? — вежливо спросил военного Джордж Бантинг.

— Можно лечь хотя бы в эту канаву, — ответил военный. — В ней больше шансов на спасение.

Мистер Бантинг внимательно осматривал канаву и после обстоятельного размышления нашёл её малокомфортабельным местом для человека, приехавшего повеселиться на праздник: канавка была до половины наполнена грязной водой.

— Ну нет, — категорически заявила Джули. — Если вам, господин офицер, это доставляет удовольствие, я охотно уступлю вам место в этой канаве. Я с наслаждением полюбуюсь потом на ваш мундир. Что касается меня, то, поверьте, я сегодня надела новое платье вовсе не для того, чтобы валяться в грязи под забором. А главное, я не вижу, чтобы кто-нибудь собирался нападать на Англию.

Мистер Бантинг хотел было призвать к порядку свою дерзкую на язык дочку, но тут его внимание привлекло странное зрелище.

По одну сторону улицы стояли представители военных властей. Они призвали прохожих немедленно ложиться в канавы и подворотни, причём делали это с такой суетливостью, будто их стратегической задачей было во что бы то ни стало вызвать панику среди населения. На другой стороне той же улицы возвышались взобравшиеся на тумбы или на вынесенные из ближайшей бакалейной лавочки ящики из-под товаров представители городского муниципалитета. Они приносили речи, в которых называли «противоатомную тревогу» вредной затеей.

Всеведущая Джули рассказала отцу, что между муниципалитетом и военными властями долго шёл спор по поводу этой тревоги: муниципалитет был против неё, но военные власти настояли на своём. Члены муниципалитета из левых лейбористов подчинились, но решили публично высказать свою точку зрения.

Эта дискуссия, проходившая под истощённым вой сирены и перед слушателями, лежавшими в канавках или бежавшими стремглав вдоль улицы, была очень оригинальной. Отчасти подобное состязание напоминало традиционные споры ораторов на лужайке Гайд-парка, однако при всей своей привязанности к лондонским обычаям Джордж Бантинг должен был признать, что здешний диспут выглядел более эффективным.

Дома Джули, заметив, что отцу явно не по себе, сказала:

— Теперь я постараюсь отвлечь тебя от мрачных мыслей. Вот номер журнала «Пикчур пост». В нём есть поучительная статья, которая даёт ответ на самый животрепещущий вопрос современности: «Есть ли привидения в Борлэй Ректори?»

— Это что ещё за глупости? — пробормотал Джордж Бантинг. Возможно, он выразился бы ещё более резко, но Бантинг старался щадить Джули с тех пор, как её муж, Берт Ролло, погиб в Корее.

— Папочка, мне кажется, ты недооцениваешь важность проблемы. Борлэй Ректори, как утверждает журнал, — «наиболее посещаемый привидениями дом в Англии». О нём написаны две книги и около ста пятидесяти статей и брошюр. Специальный фотограф журнала Гопкинс сделал даже снимок. Он изображает призрак монахини на фоне ограды Борлэй Ректори. Очевидно, вопрос о привидениях в этом доме — самый важный из всех вопросов, какие могут волновать сегодня добропорядочного англичанина. Папочка, ты веришь в привидения и в неожиданные ступи таинственного происхождения?

Не успел Бантинг достойно ответить любившей поехидничать Джули, как раздался неожиданный стук в дверь и на пороге появился представитель сельской администрации.

— Крайне сожалею, дорогая мистер Бантинг, — сказал он, — но вам придётся выехать из этого дома.

— Но, простите, это мой дом. А, как у нас говорят, «мой дом — моя крепость».

— Увы, к сожалению, наш английский дом давно стал чужой крепостью — американской. И вот союзники предлагают вам выселиться побыстрее. Ваш дом пойдёт на слом: американцы собираются расширить свою авиационную базу.

— Но если я этого не хочу, чёрт возьми! — вскипел потерявший наконец самообладание Бантинг.

— Мы все этого не хотим, дорогая мистер Бантинг, но что делать? — сказал сельский олддермен и церемонно откланялся.

— Мы найдём, что делать, — произнесла Джули. — Кстати, папочка, — добавила она, — сегодня твой друг Уинстон Черчилль ушёл в отставку.

— Хорошо, что старик догадался это сделать сам, — проворчал Джордж Бантинг. — Боюсь, что тех, кто себя ведёт так, как он, простые англичане заставят рано или поздно уйти.

— Если мы им в этом поможем, — энергично заключила беседу Джули.

Юр. ЧАПЛЫГИН

ВЕРМАХТ С ВАЛЕРЬЯНКОЙ

Член английского парламента лейборист Реджинальд Пейджет ощутил неприятное беспокойство — и отнюдь не оттого, что из-под двери потянуло сквозняком или затупились ножи в машинке для стрижки газонов... Нет, ему привиделись штыки нового вермахта, густо произрастающие на почве парижских соглашений. Исторические экскурсии никак не могли внести успокоение в смятенную душу Реджинальда Пейджета, поскольку по желобам этих штыков не раз стекала английская кровь, а память подсовывала такие словечки, как «Дюнкерк», «ковентрирование», и прочие в этом роде.

И Реджинальд Пейджет решил разложить психологический пасьянс, подсластить горькие предчувствия розовой водичкой наигранного оптимизма. Если бы он занялся этим только в целях домашнего потребления, мы не стали бы вмешиваться своими комментариями в это занятие, более присущее отставным Мальбрукам. Как говорится, чем бы дитя ни тешилось... Похоже, однако, что не только самого себя Реджинальд Пейджет вознамерился подбодрить, но и своих соотечественников, которые с нескрываемым неодобрением смотрят и на перспективу возрождения реваншистской армии в Бонне и на тех деятелей английского парламента, которые этому возрождению способствуют вопреки национальным интересам. С этой целью Реджинальд Пейджет опубликовал в журнале «Твентис сенчюри» свои домыслы под интригующим заголовком: «Какого рода армию будет иметь Западная Германия?».

Увы, задав этот каверзный вопрос самому себе, Реджинальд Пейджет самому же себе ответить не смог. Говоря о двенадцати дивизиях, которые должны быть организованы согласно парижским соглашениям, он тяжело вздыхает: «Не знаем мы того, насколько велики будут эти дивизии; мы не знаем, как они будут организованы и как они будут вооружены; мы не знаем, как они будут сформированы и где они будут размещены». Ах, какой же это, в самом деле, удивительный человек, член английского парламента Реджинальд Пейджет! Ничего он ровным счётом не знает и не понимает, но, тем не менее, берётся судить!

Впрочем, дело не в том, что Реджинальд Пейджет действительно не знает, какова будет новая реваншистская западногерманская армия, — это ему мог сообщить любой прохожий в Лондоне, — дело в том, что он боится взглянуть правде в глаза и, как страус, прячет голову в песок... Чуть передохнув, Пейджет заводит диалог с самим собой.

«Можно ли считать, что это будет армия нового типа в том смысле, что она будет отличаться от вермахта по своему духу и лояльности?» — спрашивает Пейджет.

«Я сомневаюсь в этом», — отвечает Пейджет.

«Можно ли получить необходимое число добровольцев?» — интересуется Пейджет.

«Идея стать солдатами крайне непопулярна среди тех возрастных групп, из которых набираются солдаты», — разъясняет Пейджет.

Всё ясно: это будет армия старого духа, стало быть, реваншистская; эта армия будет создана на базе воинской повинности, стало быть, это будет опять-таки старого типа вермахт. Всё это, вместе взятое, и вызывает у Пейджета тревогу: а не повернёт ли эта боннская реваншистская армия свои штыки в сторону, противоположную той, куда ей указывают? Этот вопрос так страшен, что Пейджет тут же пытается утопить его во

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

АТЛАНТЫ АТЛАНТИЧЕСКОГО ПАКТА

— Тяжеловато, но зато в атлантическом сообществе мы самые главные, на нас всё держится.

всевозможных предположениях... Но вопрос тонуть не желает, и всё тут! Почему? Да потому, что в истории был Мюнхен, где западные политики ценой предательства Чехословакии пытались откупиться от Гитлера и повернуть его орды на Восток. Что из этого получилось, известно: первыми под фашистские бомбы попали Франция и Англия. Не стелется ли и в данном случае зверю ковёр для прыжка — вот чего боится Пейджет. Правда, он при этом пытается уверить читателя, что зверь взнуздан системой НАТО. Да ведь узда-то бумажная!

Пейджет признаёт, что в штабе НАТО немецкие генералы и офицеры «будут оказывать огромное влияние» потому, что у них есть «военные способности». Ещё бы, они ведь служили Гитлеру и развивали эти самые «способности», проливая кровь французов и англичан в частности! Правда, по мнению Пейджета, их влияние будет ограничиваться тем обстоятельством, что они явятся лишь «частью организма» НАТО. А не случится ли

так, что эта «часть организма», боннско-реваншистская, станет погонять другую «часть организма», английскую?

Одно только соображение и утешает Пейджета перед лицом мрачной перспективы: это то, что, по заверениям боннского военного руководителя Бланка, солдатам нового вермахта в свободное от службы время будет разрешено носить штатскую одежду. Да и то утешает лишь потому, что Пейджет забыл пословицу: «И волк раз в год линяет, а всё сер бывает».

Да, трудненько приходится Реджинальду Пейджету: никак он не может при воспоминании о спешно организуемой армии западногерманских реваншистов ни в своих коленях дрожь унять, ни читателей утешить. Не получается. Сами порождают — и самим страшно. Хоть беги в аптеку за успокаивающими средствами...

Воистину вермахт с валерьянкой!

Н. ГРИБАЧЕВ

В семье Петровых Валя была любимицей, но это старались по возможности скрывать от окружающих и, главное, от неё самой. Вообще её воспитывали нормально, или, как говорится, разумно: не восхищались её способностями, хотя девочка была на редкость способна и к наукам и к искусству.

В иных семьях то и дело всем и каждому повторяют:

— Ах, наша Танечка (или Вовочка) — исключительный ребёнок! Это будущая Уланова (или Шолохов или Менделеев, в зависимости от проявляемых способностей).

А будущая Уланова или Менделеев сидит, слушает, и на круглой веснушчатой мордашке появляется выражение превосходства и самодовольства.

Не хвалили Валу и за её характер, но если говорить правду, такие ласковые, весёлые и милые девочки встречаются далеко не в каждом доме.

И уж, во всяком случае, никогда и никто из семьи Петровых не заикался о валиной внешности, а иной раз было просто трудно удержаться, чтоб не воскликнуть:

— До чего же ты у нас красивая!

И говорили нарочно что-нибудь диаметрально противоположное. Особенно в этом отличался старший брат, Миша, механик. Широколицый, чернобровый, курносый, он презрительно кривил губы и говорил:

— Ресницы у тебя вымахали, как у коровы. Даже некрасиво.

Миша был авторитет, и Валя однажды подстригла свои великолепные ресницы, отчего они вскоре выросли ещё длиннее. Или Миша говорил с прискорбным вздохом:

— У всех людей зубы как зубы во рту, для жевания, а у нашей Валентины напоказ, словно выставка зубных протезов.

И поэтому Валя даже смеяться стала с закрытым ртом.

Но всё это было возможно до поры до времени. Пришло время, когда на Валу стали заглядываться даже постовые милиционеры, хотя известно, что это люди суровые и не отвлекающие своего внимания по незначительному поводу.

Незнакомые юноши при встрече с ней на улице столбенели и провожали её укоризненным взглядом: «Зачем только есть на свете такие девушки!» А те, что поозорнее, говорили: «Ох!» — и театральным жестом хватались за сердце.

И тогда в семье Петровых переменяли тактику. Опять-таки это взял на себя Миша. Он говорил примерно так:

— Некоторые хорошенькие девушки, ну, скажем... — снисходительный взгляд в сторону сестры, — ну, как ты, воображают о себе нивест что, и поэтому каждый может вскружить им голову. Вот, например, у нас на заводе есть один такой...

«Одного такого» Миша придумывал молниеносно, но, надо отдать справедливость, наделял его весьма правдоподобными чертами.

— ...Один техник. Увидит хорошенькую девушку, и сразу глазки, как маслины (Миша знает, что Валу тошнит от маслин), губы, как старые, расщепленные каалоши, — хлоп-хлоп, ручки маленькие, потные...

— Фу, Мишка, замолчи! — кричит Валя и трясёт головой.

— Что это значит — замолчи? — Миша делает обиженное лицо. — Неужели прерывать старших. Вот я и говорю: наладится этот тип проводить какую-нибудь девушку и сопит ей в ухо: «Вы олицетворённая молодость, дивная, чистая», — а сам норовит под ручку да потеснее прижаться.

Если при этом разговоре присутствует мать, она морщится и говорит Мише:

— Уж ты слишком!

Миша отвечает ей понимающим взглядом:

— Ничуть не слишком. Вале восемнадцать лет. Лучше от родного брата узнать, как в жизни бывает, чем от какого-нибудь слизняка, вроде нашего, этого... — И с новым подъёмом: — Так можешь себе представить, поймал-таки одну дурочку! Напал ей, что

душа его жаждет прекрасного, что он одинок в жизни, что только она единственная может сделать его вполне счастливым. Девчонка уши развесила, поверила, а потом выяснилось, когда уже было поздно...

— Миша! — Мать грозит пальцем.

— Что — Миша? Я же ничего такого не говорю... Потом выяснилось, что он женат, и даже три раза был женат, и вообще грязный тип.

— А что же эта девушка? — нахмурившись, спрашивает Валя.

— Что? — Миша собирается с мыслями и говорит уверенно именно то, что вполне могло бы быть: — Молодость у неё изгажена. Конечно, мы поддерживаем её, понимаем: не каждая может устоять, — помогаем ей пережить. А его... на днях увольняют с завода.

Он шумно вздыхает. Кажется, всё поставлено на своё место: порок наказан, добродетель в лице сплочённого коллектива торжествует. Но Валя задумчива.

— Ты говоришь, не каждая может устоять? Нет, Миша, я бы непременно устояла. Разве не видно сразу, какой человек?

— Нет, Валя, бывает, что сразу не распознаешь. Но ведь речь не о тебе. В тебе-то я уверен!

...Если Валя видит перед собой чьи-то глаза, похожие на маслины, ей вспоминается мишин техник, и лицо её становится строгим. Когда товарищи-студенты, идя с ней вместе из института, подхватывают её под руку и слишком уж выразительно прижимают к своему боку её локоть, она тихонько, чтобы не обидеть, высвобождает руку, потому что ребята в общем славные и уж, конечно, никак и ничем не похожи на того слизняка, но всё равно, гораздо лучше идти и махать руками и смеяться, а не так...

Так случилось. Валя условилась с Петей и Верой пойти в Музей изобразительных искусств. Потом выяснилось: к Вере нагрянули родичи из Подольска, а Петя сломя голову помчался в музей, чтобы опередить Валу, упал и вывихнул ногу. Бывает же такое!

Валя подождала пятнадцать минут в условленном месте, у вешалки, рассердилась и пошла по залам одна. Но очень скоро она позабыла про своё одиночество. Её окружали суровые кондотьеры на могучих конях (школьники, постоянные посетители музея, крадущийся от зорких дежурных старушек, дотрагивались пальцем до огромных копыт), короли, закованные в латы, вечно юный Давид хорошего двухэтажного роста.

Она поднялась наверх. Вот летящий Меркурий с крылышками на ногах; величественные гробницы Лоренцо и Джулиано Медичи. А вот и дивная Афродита, чуть улыбающаяся, держащая в руке снятую одежду...

Валя остановилась перед ней очарованная и вдруг услышала, как рядом кто-то произнёс тихо и благоговейно:

— Какая совершенная красота!

Валя невольно оглянулась. Человек среднего роста смотрел на неё, именно на неё, а не на Афродиту, пристальным взглядом доброжелательных серых глаз. Он сказал задумчиво и просто, как будто был давным-давно знаком с Валей:

— Красота, чистота и целомудренность во все века одинаково покоряют людей. Приблизительно две тысячи триста лет тому назад гениальный аттический скульптор Пракситель увидел девушку. Может быть, она была простой крестьянкой или дочерью ремесленника. Формы её юного тела были совершенны, и скульптор, охваченный восторгом вдохновения, запечатлел её красоту в мраморе, и вот мы с вами любимся ею.

— Да, — прошептала Валя.

Ей было очень неловко, и она с удовольствием ушла бы в другой зал, подальше от этого спокойного, элегантно незнакомого, но это показалось ей невежливым. Ведь он не навязывался, он просто искренне любовался произведениями искусства.

Дальше они шли рядом, и он обращал её внимание то на Аполлона Бельведерского — подлинник статуи находится в Риме, в бельведере Ватиканского музея, — то на Афродиту с острова Мелоса.

— Как жаль, что она без рук! — сказала Валя.

— О, руки тут не имеют значения! Главное — её божественное тело.

— Да, — опять послушно согласилась Валя и отошла к Собаке второй половины четвёртого века до нашей эры.

Время летело, как чемпион-конькобежец: круг, другой, третий. Валин спутник уже называл её почтительно Валентиной Юрьевной и сам отрекомендовался Серафимом Матвеевичем. Так было удобнее разговаривать. От скульптуры они перешли к живописи.

— Валентина Юрьевна, вот посмотрите: дивный Джулио Романо, «Портрет Форнарины». Как нужно было преклоняться перед женщиной, чтобы так передать красоту её форм!..

Валя кивнула головой и пошла дальше. Только бы он не подумал, что она смущается перед обнажённой Форнариной. Ведь он в этом видит только создание художника.

— А вот и французская школа. Вам нравится «Благовещенье» Буэ? Оно целомудренно. А что вы скажете о Геркулесе и Омфале Жизнелюба Франсуа Буше?

Валя поглядела на картину и слегка покраснела. Мускулистый смуглый Геркулес, сидя на кровати, держал в крепких объятиях белую и, как показалось Вале, слишком толстую и нескромную Омфалу. Она сухо сказала:

— Нет, мне это не нравится.

Он успешно согласился:

— Разумеется. Для нас это слишком откровенно, обнажённо. Но что вы хотите? Французы, чувственный восемнадцатый век... — Он обернулся к простенку и воскликнул в волнении: — «Женская головка!» Валентина Юрьевна, да ведь это вы! — Он схватил

ошеломлённую Ваю за обе руки и переводил восхищённый взгляд с полотна на девушку. — Какое сходство, потрясающе! Этот нежный овал лица, мечтательный взгляд и перламутр зубов за полуоткрытыми губами...

Валя сконфузилась:

— Ну, что вы! — Но ей стало приятно, потому что действительно было кое-какое сходство.

Серафим Матвейч выпустил её руки, сказал:

— Простите, но я поражён, — и начал объяснять: — Тот же Франсуа Буше, восемнадцатый век, французская школа, но на этот раз грация, изысканность, утончённость... — и прошептал: — О, если бы я был художником!.. Но, знаете, вас можно бы сфотографировать именно так: чуть закинута головка, жемчужные серьги, большое декольте и роза на груди. И получилось бы... лучше этого.

— Нет, нет! — Валя замотала головой. — И потом я плохо выгляжу на фотографии.

Из музея они вышли вместе.

— Я не смею предложить вам свою машину, — как бы в нерешительности произнёс Серафим Матвейч.

— Ой, что вы, мне рядом! — заторопилась Валя, хотя ей предстояло ехать домой в Измайлово.

Он не настаивал. На прощание сказал тихо и печально:

— Если бы вы знали, какая это светлая, чистая радость для такого одинокого бобыля, как я, встретить вот такую!.. — Он строго поправился: — Вот такого славного молодого товарища, с которым можно говорить обо всём, не боясь натолкнуться на мещанское жеманство, на обывательскую пошлость. Наверно, я вас больше не увижу... — И вдруг деловито и добродушно: — А впрочем, вы ведь, конечно, любите театр, как все студенты? А доставать билеты не так-то уж просто? Вы мне дадите адрес и телефон? Не думайте, я не навязываюсь, упаси бог! Просто пришлю вам два билета на «Жизель». — И решительно запротестовал, увидав, что Валя собирается отказываться: — Нет, нет, не обижайте меня! Идите с кем хотите, с товарищем, с подружкой. А если не очень скучно и противно, то со мной, я буду ждать в вестибюле театра. Но если вы придёте вдвоём, я не обижусь. Сяду в другом месте. Мне все театры доступны! — И усмехнулся: — Я ведь не студент.

Валя не посмела отказать (ну, как подумает, мещанское жеманство!) и дала адрес.

Прошло три месяца. К удивлению, в семье Петровых никто не замечал, что Валя притихла, что взгляд её прекрасных глаз стал каким-то удивлённым и очарованным, как будто она видела перед собой не просто маму и не просто Мишу, а что-то другое, неизмеримо более прекрасное. Затем глаза стали растерянно-счастливыми и даже на улице сияли так, что встречные мальчишки, заглянув в них, шалели и натянулись на прохожих. В этот период Валя стала неловкой и перебила много чайной посуды. И стояла подолгу перед зеркалом, улыбаясь своему отражению. И на зачёте по химии получила тройку. Но пришёл день, когда глаза потухли, сделались большими и скорбными, и как-то вечером из них закапали слёзы.

Мать и Миша всполошились:

— Что с тобой, Валя?

Валя не умела лгать и рассказала им обо всём. Она уже не плакала, она собрала всё своё последнее мужество. Пусть они знают: она дрянь, просто пошлая дрянь. Ведь Миша предупреждал её, рассказывал о девушке с их завода. (Миша совсем забыл о выдуманной им девушке и чуть было не спросил: «Про кого ты?».) Но Валя не заметила его удивлённого взгляда, ей было не до того.) Та девушка, может быть, одинокая, ей не с кем посоветоваться, а она, Валя, скрыла от самых близких... Серафим Матвейч показался ей таким удивительным, умным, умнее всех. Он говорил только об искусстве, о красоте, о чистых, возвышенных чувствах, владевших скульпторами, художниками... И как говорил! Никто никогда так не говорил с ней до сих пор.

Валя посмотрела в окно, за которым шёл дождь, и тихо сказала:

— Он называл меня своим единственным солнышком, озарившим его одинокую, трудную жизнь. Нет, подождите, не перебивайте, не только он — я подлая. Он обещал мне, что жизнь у меня будет сплошным праздником...

— Понятно, без рабочих будней, — зло сказал Миша.

Мать испуганно посмотрела на него, и он замолчал.

— ...Что мы поедим с ним на Кавказ, в Крым! Нет, я не на это польстилась, но и это тоже мне было приятно. «Маленькая, — сказал он, — я буду заезжать за тобой в институт на машине», — и действительно, он два раза присылал за мной машину, и Петя и Вера всё спрашивали: «Чья это машина?» — а я молчала и, как сейчас помню, всё сияла, как... дура. Я верила его словам, глазам, потом — поцелуюм. Я хотела поделиться с вами своим счастьем, но он предупредил: «Не нужно. Потом». А потом он сознался, что женат, но не живёт с семьёй, а теперь порвёт с ней окончательно, но для этого нужно время, а пока нам не следует встречаться, чтобы не возбуждать лишних толков. Это он сказал после того... — Валя закрыла лицо руками, — после разговора о ребёнке. Он сказал: «Придётся пожертвовать первым ребёнком, зато потом, когда всё образуется, мы будем так счастливы».

Миша вскочил и забежал по комнате. Мать молчала.

— Но это не всё, — сказала Валя. — Он даже перестал мне звонить, тоже будто из предосторожности. Мне было так грустно! Вчера я пошла в музей, туда, где мы встретились в первый раз. Опять летящий Меркурий, и Аполлон — я уже знала, почему он называется Бельведерским, — и огромный Нил, осыпанный толстенными ребятишками, и Афродита... И вдруг — я подумала, что мне это показалось, — он и какая-то девушка в вязаной кофточке! Он меня не заметил и говорит... ох, то самое, что мне в первый раз: «Красота, чистота и целомудренность во все века покоряют людей. Мы с вами джубемя произведением бессмертного Праксителя»...

Рисунки Г. ВАЛЬКА.

— Хватит! — крикнул Миша. — Хорош гусёк, Праксителя в сводники приспособил!

— Я уеду, — глухо сказала Валя. — Я не могу жить с вами, такая дрянь...

Миша стукнул стулом об пол.

— Ты не дрянь, ты обыкновенная дура! Или нет, необыкновенная дура! — И отбросил стул в сторону. — Валяшка, родная, никуда ты от нас не уедешь, а этого Серафима — музейного блудотворца — жив не буду, выведу на чистую воду!

...В кабинет к Серафиму Матвейчу прорваться было не так-то легко. Секретарша в полной боевой готовности заслонила дверь своим сухопарым телом, зашитым в чёрный шёлковый чехол. Миша грубо отпихнул её и вошёл.

Мише было двадцать четыре года, Серафиму Матвейчу — вдвое больше. Миша горел и кипел, Серафим Матвейч сидел, спокойный и надменный.

— Ваша сестра? Как... Валентина Петрова? А-а, припоминаю, я доставал ей билеты в театр по её просьбе. Что?.. Вы забываете, с кем говорите! Я прикажу... Ка-ак? Ну, знаете, амурные делишки вашей сестрицы меня отнюдь не касаются. Ищите предполагаемого папашу в другом месте...

То, что произошло после этих слов, было неожиданным как для Миши, так и для Серафима Матвейча. Миша пришёл к Серафиму Матвейчу, чтоб излестать его беспощадными, гневными словами. Но внезапно он растерял все слова. Оскорбление, нанесённое его сестре, было слишком тяжёлым. Он размахнулся и опустил тяжёлую ладонь на дряловатую, до бархатистости выбритую щёку Серафима Матвейча, вздрогнувшую, как осетровое заливное.

Серафим Матвейч вскочил с кресла.

«Очевидно, подерёмся», — мелькнуло в голове у Миши, и он оглянулся на дверь: хорошо ли она закрыта.

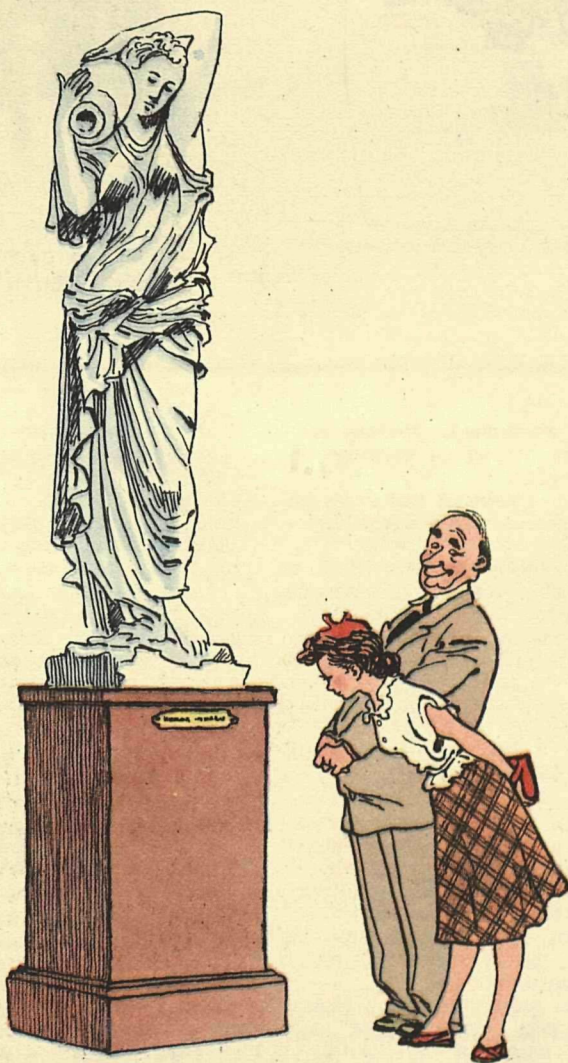
Но Серафим Матвейч не собирался драться. Он испуганно моргал, его губы сложились в жалкую улыбочку; одной рукой он бережно держался за покрасневшую щёку, а другой указывал на кресло у стола.

— Молодой... молодой человек, вы... присядьте. Зачем же так сразу... жестиковать? Я понимаю, но и вы поймите меня: я женат, общественное положение... Но я готов, я беру все расходы на себя, если вы убеждены, что... э-э... я причастен... Пять... э-э... три тысячи! И в будущем...

Миша подумал: «А не влупить ли ему ещё разок?» — но просто так бить этого человека, с глазу на глаз, не имело смысла.

— В ближайшем будущем мы с вами встретимся при других обстоятельствах, — сказал Миша и вышел из кабинета. Он твёрдо решил, что выведет Серафима на чистую воду.

«Что другим, ныне здравствующим блудотворцам не повадно было», — подумал он, захлопнув за собой тяжёлую парадную дверь.

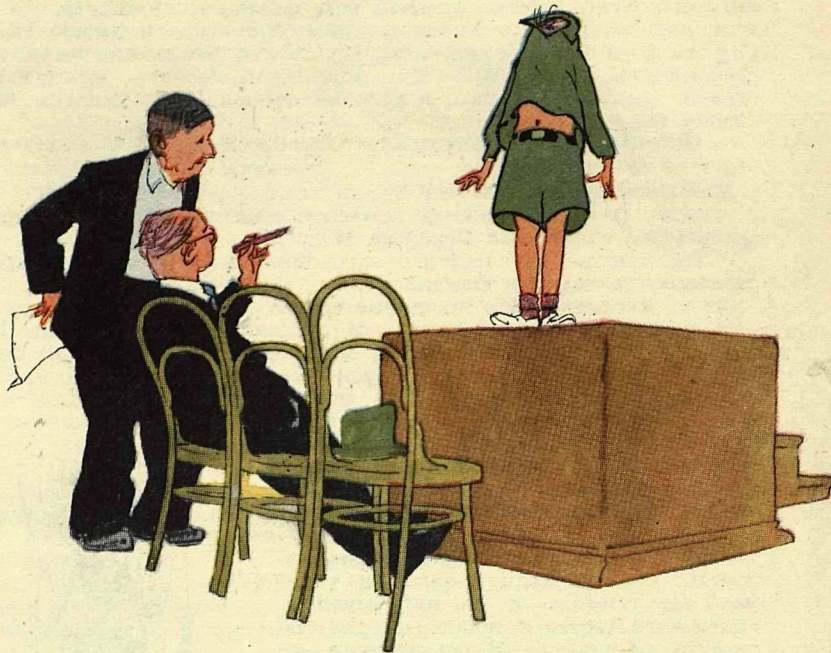
Крокодилская

СМЕСЬ

ПРОСМОТР ДЕТСКИХ МОДЕЛЕЙ

На московской фабрике детского платья № 19 изготовили костюмы для мальчигов с воротниками, в которые не пролезает голова.

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

— А где его голова?
— Мы головой не интересуемся: у нас не шляпная фабрика!

Некоторые руководители издательств, используя служебное положение, издают свои недоброкачественные произведения.

Рисунок Е. ГУРОВА.

Своя рука — владыка.

ВИЛЫ В БОК

БЕЗ ГРУБОЙ МОРАЛИ

«Хранить молчанье в важном споре» — искусство сложное и весьма небесполезное. Особенно, если в этом важном споре можно по своей непросвещённости ляпнуть нечто несусветное.

Это, конечно, понимали и председатель завкома тамбовского завода «Ревпуть» Цыцугин, и председатель культкомиссии Куцев, и директор заводского клуба Охотин, и председатель правления клуба Рожков. Не хуже их осознавали это и представители областного Дома народного творчества Дементьев, Дыхта и Беневоленский.

Но что же делать, если «хранить молчанье» нельзя? Ведь все перечисленные товарищи были назначены членами жюри смотря художественной самодеятельности заводского коллектива! А члены жюри, как известно, обязаны высказывать «в споре» своё суждение по поводу исполнения номеров.

...Кружатся в бурном танце пары. Зрители дружно хлопают исполнителям, посматривают с затайенной гордостью на восседающих за большим столом членов жюри. Те с достоинством склоняют головы над протоколами. Исполнение вальса Штрауса им понравилось, но...

«...танец построен на принципе вальса, а поэтому, — резюмируют

они, — у участников должен быть часть рта открыта и частично показать зубы».

Не менее ценную мысль высказали члены жюри и после другого номера:

«В испанском танце нет много акробатики, которую мы видели в испанском танце».

В протоколе были зафиксированы оригинальные замечания и по поводу вокальных номеров:

«У певицы лирическое сопрано с переходом на оперетту».

Сочувственная оценка появилась в протоколе после выступления одного из чтецов:

«Возраст преклонен, но несмотря на это преодолевает трудности и доносит до зрителя грамотно».

Менее повезло второму чтецу. По словам членов комиссии:

«...чтец, читая политсатиру, не передал форму произведения, а честно прочитал ее».

Рты и зубы участников смотря пользовались повышенным вниманием комиссии не только в «танце, построенном на принципе вальса». И при пении, как отметили жюри, полагается:

«золотые зубы замазывать гримом».

Взволнованные строки протокола отметили отсутствие на смотре... Лермонтова и Поля Робсона:

«Лермонтова в этом произведении совершенно не было»;

«Голос глухой, не выразительный. Поля Робсона здесь не было».

И уже совсем свежие мысли были высказаны по поводу чтения басен:

«Басни читать не умеет. Зритель, слушая басни приходит отдышать, а не выслушивать от чтеца грубой морали».

...Не будем гадать, войдут ли суждения тамбовской комиссии в сокровищницу искусствоведения. Скажем только «без грубой морали»: протоколы жюри, заседавшего в клубе завода «Ревпуть», могут послужить благодарным материалом для сатирического номера хотя бы на следующем смотре. Но при этом надо учесть, что чтецу придётся «преодолеть большие трудности», чтобы «донести до зрителя грамотно» уникальные тексты протоколов.

Р. КЛЕВАКИН

ИЗ ДИРЕКТОРСКОГО КАБИНЕТА...

Из директорского кабинета раздаются энергичные звонки. В кабинет спешит секретарша и возвращается с листочками, размашисто исписанными цветным карандашом. Листочки подкладываются машинистке: «Срочно!». Прямо из-под машинки секретарша выхватывает перепечатанные бумажки, относит в директорский кабинет, а когда выходит обратно, каждая бумажка уже украшена собственноручной подписью директора.

— Курьера!.. Срочно разнести!
— Сию минутку...

Идти с этой разносной курьеру совсем недалеко. Тут же, в этих вот комнатах, она подходит то к одному, то к другому столу и, протягивая бумажку, говорит:

— Извольте получить. Свеженькая директива.

Что же это за бумажки? Заглянем в них. Каждая отпечатана на бланке директора Ленинградского филиала Дома детской книги. Читаем:

«Срочно, в течение 2-х дней подготовить выставку для общегородского праздника: составить списки и подобрать книги для 8 стендов. Решить, какие взять 8 актуальных тем, проверить наличие 8 заголовков и 8-ми стендов. Технические работы возложить на т. Новикову А. Н.

Садовникова».

Ещё образец из письменных упражнений директора:

«Завед. библиотекой т. Прокошовой О. И.

Студентов Библиотечного института т. Векслер Г. О. и Лопатину Л. А., направленных на практику в библиотеку ДДК необходимо свести для знакомства к тов. Чевычелову Д. И.

Садовникова».

Напрашивается вопрос: не проще ли приоткрыть дверь кабинета и сказать сидящему тут же сотруднику:

— Зайдите ко мне на минутку...

Но Нина Дмитриевна Садовникова категорически не приемлет метода личного общения с сотрудниками. Она внедряет любимый метод бумажно-канцелярского руководства. Сокрушается Нина Дмитриевна об одном: широкому внедрению её метода препятствует малочисленный штат подчинённых: всего-навсего тринадцать человек, и все тут, под боком. А ведь есть счастливицы, у которых в подчинении сотни сотрудников, десятки завзавкомзавов! Занимает такой аппарат два—три, а то и четыре этажа! И по этажам и лестницам бегут курьеры, курьеры, курьеры! Эх, Нину Дмитриевну бы туда!

Н. ХАРЬКОВ

Рисунок Е. БЕДЕРНИКОВА.

Стихи про стихи

Свои стихи прочёл поэт,
Над ними бился он немало.
Поэту все дают совет:
— Неси в редакцию журнала!

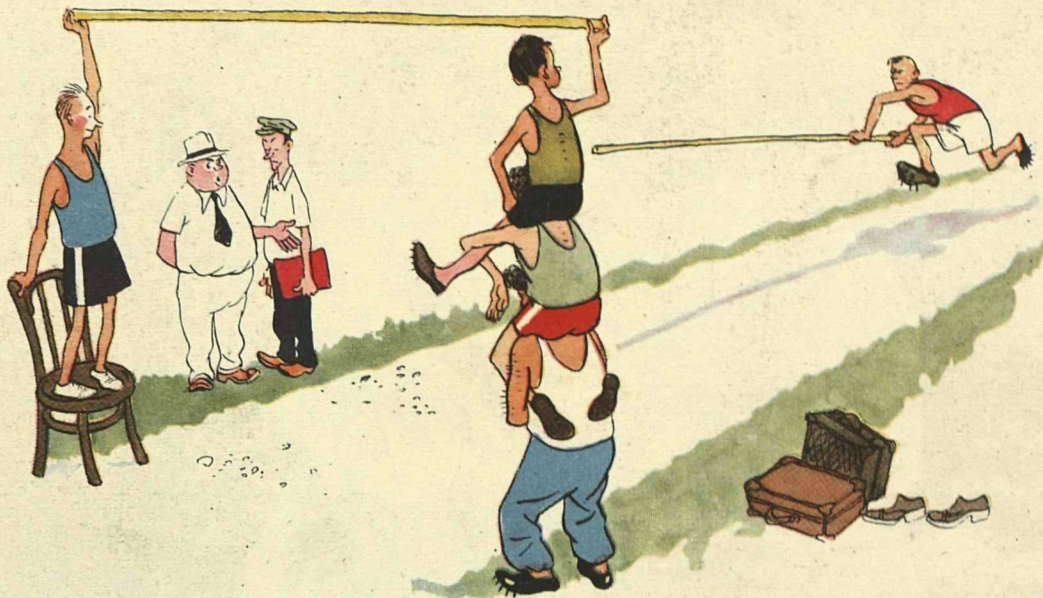
Редактор бросил беглый взгляд:
— Что ж, ничего,
Дойдут до сердца!
Потом, вернув стихи назад,
Сказал:
— Вот только мало перцу.

И вновь поэт к нему идёт,
А тот скривился, как от боли:
— Ну что ж, неплохо,
Только вот
Теперь как будто много соли.

Поэт идёт к нему опять.
Прошёлся тот по кабинету:
— Неплохо, можно было б дать,
Да жаль, изюминки в них нету.

Опять поэт стучится в дверь,
Стоит, робея, у порога
И снова слышит:
— А теперь
Переборщили вы немного.
Пусть стих ещё перекипит.
Ведь это очень важный фактор...

У автора смущённый вид:
Наверно, повар там сидит,
Где должен был сидеть редактор!

— Какая неподготовленность! Сразу надо было поставить у рейки двух рослых парней.

Дорогой Крокодил!

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Помнишь детскую игру «в лошадики»?

Вот точно так же предлагается и колхозникам запрягать настоящих коней. Мы не шутим, дорогой Крокодил: ведь в нашем районе легче самому согнуться в дугу, чем отыскать в магазинах эту нехитрую часть упряжи.

И самое обидное, дорогой Крокодил, что наладить местное производство дуг у нас ничего не стоит: леса в области хоть отбавляй! Но, видно, нашего председателя облпромсовета тов. Шумахина здорово напугал великий баснописец Крылов, который писал, что «дуги гнут с терпением и не вдруг». И решил председатель совсем не начинать хлопотливое дело, которое не далось медведю.

Помоги объяснить ему, дорогой Крокодил, что сложного в этом деле не так уж много, было бы терпенье да желанье!

А. НИКИШИН

с. Ивановка,
Амурской области.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Слышал ли ты историю об одном чуде, потерявшем очки? Чуть ли не полдня потратил он на розыски, но очков так и не на-

шёл. Спасибо, подсказал ему приятель: «Да очки же у тебя на носу!»

Такой же чудак объявился и у нас, в Кокчетавской области. Это начальник строительного управления тов. Иванов. Управление, возглавляемое им, должно заниматься сооружением складов под зерно, зерносушилок и других подобных помещений. Но... тов. Иванов узрел камень преткновения. «Нет бутového камня! — горюет он. — Трест не шлёт!» Весь первый квартал 1955 года тов. Иванов усердно «ищет» камень. И никак не найдёт. А вокруг, под самым носом у начальника управления... целые сопки этого строительного камня!

Но «чудачества» тов. Иванова посерьёзней приключений анекдотического чудака с очками. Тот доставил приятелю несколько бурно-весёлых минут. Из-за слепоты тов. Иванова руководимое им управление выполнило план первого квартала лишь на... 0,25 процента! Вряд ли такие «строительные достижения» вызовут весёлые улыбки у людей, приехавших сюда на освоение целинных и залежных земель...

Работники областной газеты
«Сталинское знамя»
Т. ВИНОКУРОВА,
П. КОНОВАЛОВ

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Наши представления о хорошем и плохом, почерпнутые ещё из любимой книжки В. Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо», совершенно неожиданно оказались сомнительными. Заронил в нас это сомнение заместитель министра сельского хозяйства Марийской АССР тов. Потачкин. Дело в том, что недавно наша МТС получила от тов. Потачкина жёсткое послание:

«Ремонт комбайнов в Вашей МТС проводится неудовлетворительно. По графику должно быть отремонтировано 8 шт., фактически — 13 шт.

Обязываю Вас принять меры по резкому усилению темпов ремонта комбайнов...

Зам. министра сельского хозяйства Марийской АССР.

Б. ПОТАЧКИН.

Как видишь, перевыполнять план — это, по мнению тов. Потачкина, значит работать неудовлетворительно. Поругал нас заместитель министра, мы на него не обижаемся. Значит, не забыл. А то мы уж подумывать начали: помнят ли о нас в Йошкар-Оле? Ведь за три года существования МТС тов. Потачкин, например, не был у нас ни разу. И теперь мы не решаемся определить: хорошо это или плохо...

С. БАКУЛИН

Ожигановская МТС,
Марийской АССР.

Крокодил помог

В № 24 журнала Крокодил за 1954 год был помещён фельетон «Экскурсия, которой ещё не было». В нём рассказывалось об отсутствии помещений у таких организаций города Краснодара, как отделение Союза писателей, городская библиотека, книжный фонд крайкома профсоюза работников сельского хозяйства и заготовок.

Исполнительный комитет Краснодарского краевого Совета депутатов трудящихся сообщил редакции Крокодила, что все названные организации в настоящее время обеспечены помещениями.

В № 27 журнала Крокодил напечатано письмо Г. Горжий о том, что детский дом имени Ленина (Павлодарская область) не может пользоваться своей электростанцией из-за отсутствия генератора.

Генератор детским домом получен.

В № 31 журнала опубликован снимок книжного магазина, размещённого в сарае (Залегощ, Орловской области).

После опубликования фотографии книжный магазин переведён в здание райисполкома за счёт уплотнения отделов райсовета.

В № 6 за 1955 год, в фельетоне «Диктант», рассказывалось о директоре Атакской МТС Чумаке А. С., заставившем всех работников писать диктант с целью выявления по почерку сотрудника, подавшего на него жалобу в вышестоящую организацию.

Чумак за необеспечение руководства МТС и за зажим критики с работы снят.

Общим партийным собранием МТС ему объявлен выговор с занесением в личное дело.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, В. Н. ГОРЯЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-31-37, Д 3-34-37. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 02340. Изд. № 429. Подписано к печати 10/IV 1955 г. Формат бум. 70×108½. Заказ № 1324. Тираж 600 000 экз. 1 бум. л.—2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

20

Не так давно фашистский унтер
Планете бомбой угрожал.
Теперь грозит оружием Грюнтер —
Заокеанский генерал.

Вооружённый бомбой, миной,
На свой скелет надел мундир,
С какой притворно-сладкой миной
Он произносит слово «мир»!

С. МАРШАК

